

Бедные: образ жизни и стратегии выживания

Одной из центральных проблем трансформации социальной сферы российского общества и выработки эффективной социальной политики выступает проблема бедности вообще, а также взаимосвязи бедности и безработицы в частности. Являясь тем "ядром", которое демонстрирует суть изменений в социальной сфере после кризиса советской модели "государства всеобщего благосостояния", эти проблемы имеют огромное значение для понимания процессов, происходящих в социальной жизни сегодняшней России, и разработки эффективной социальной политики.

Именно поэтому в рамках панельного исследования, проводящегося с 1995 г. в рамках международного проекта¹, была предпринята попытка дать характеристику "бедных" и уточнить понятие "бедность" ("определенный уровень дохода", "ресурсы семьи" или "доступность одобряемых обществом форм социального участия") применительно к условиям сегодняшней России, а также проанализировать ее связь с безработицей. В рамках этих задач предполагалось также выявить основные стратегии выживания, используемые россиянами, определить специфику стратегий выживания бедных и выделить их "социальные типы", используя метод "ядер" и "периферии" групп.

Результаты исследования показали, что *в России среди неэлитного населения сегодня действительно существуют имущественно-доходные страты, которые различаются не только количественными, но и качественными характеристиками*

¹ INTAS 94-3725 "Перестройка государства всеобщего благосостояния: Восток и Запад, 1995—1998 гг." (руководитель проекта профессор Н.Мэннинг, (Англия)). Объектом исследования выступали представители групп, среди которых предполагалось встретить наиболее глубокую эксклюзию, что позволило бы четче понять механизмы поведения групп, наиболее нуждающихся в адресной помощи со стороны государства, а также характер этой помощи. Это были: 1) безработные, официально зарегистрированные в службе занятости; 2) официально предупрежденные об увольнении; 3) работники, находящиеся в вынужденных отпусках и работающие неполное рабочее время в связи со сложным положением своих предприятий; 4) трудоустроившиеся после периода официально зарегистрированной безработицы. Опрос проходил в марте—апреле 1996 г. и в апреле—мае 1997 г. в Москве, С.-Петербурге и Воронеже. Методом углубленного формализованного интервью продолжительностью около 3 час. на обоих этапах было опрошено по 240 человек.

структуры потребления, образа жизни и форм социального участия. Вычленение этих страт производилось на основе сложной методики оценки уровня благосостояния через комплексный критерий структуры потребления и образа жизни. Этот критерий основывался на выявлении определенных "пороговых" значений показателей, соответствующих характеристикам образа жизни различных страт. В целом он лежал в русле идей П.Таузенда и учитывал те попытки построения многомерных критериев стратификации, которые уже предпринимались российскими социологами.

Использование этого критерия позволило выделить шесть основных страт, существующих среди незлитного населения, — нищие, бедные, малообеспеченные, среднеобеспеченные, обеспеченные и состоятельные¹. Скорее всего, в реальной действительности число страт больше, так как начиная с уровня среднеобеспеченных, наблюдается достаточно большая вариативность поведения, связанная с индивидуальными предпочтениями. А следовательно, в рамках трех наиболее благополучных групп при более репрезентативных исследованиях можно будет выделить большее число страт.

Распределение выборочной совокупности по стратам и наиболее характерные особенности образа жизни и структуры потребления представителей различных страт выглядели следующим образом:

нищие (6%) — не могут позволить себе купить мясо, сладости, новую одежду для детей, не ходят в гости и не принимают гостей;

бедные (13%) — только изредка могут позволить себе купить мясо, фрукты, сладости, одежду, не ходят в гости, не покупают газет, не оплачивают платных занятий детей и лишь изредка покупают им новую одежду;

малообеспеченные (25%) — не покупают бытовой и иной дорогостоящей техники, никогда не позволяют себе деликатесов, ощущают серьезные ограничения, связанные с покупкой одежды, посещением театров, концертов, кино, покупкой периодических изданий;

среднеобеспеченные (34%) — именно в этой группе у респондентов начинают появляться свободные деньги и в соответствии с приоритетами семьи возрастает вариативность трат и стратегий экономии: одни экономят на одежде, другие — на бытовой и иной технике, третьи — на питании и т.д.; в целом для всей группы ограничения связаны с покупкой некоторых продуктов,

¹ Совпадение с распределением по критерию душевого дохода или доле расходов на питание, где очень сказывалась субъективность самооценок, не превышало 70%.

особенно деликатесов, посещением театров, туристическими путешествиями;

обеспеченные (14%) — существуют ограничения, связанные с приобретением дорогостоящих вещей, например, автомашины или компьютера, с посещениями кафе или ресторана, туристическими путешествиями, но почти не экономят на еде и бытовой технике;

состоятельные (8%) — могут позволить себе многие дорогостоящие покупки (в основном вся дорогостоящая техника у них уже есть), в соответствии с приоритетами семьи регулярно покупают деликатесы, ходят в рестораны, ездят в туристические путешествия, хотя и они не могут позволить себе все статьи трат одновременно без экономии на чем-либо из желаемых расходов.

В отличие от всех остальных страт, в двух беднейших группах были широко представлены хронические безработные. Общее число нищих и бедных в выборке составляло 44 человека, а хронических безработных (со стажем безработицы более года, причем часть из них к моменту опроса была уже снята с учета в службе занятости) — 47 человек. Общее для двух этих множеств подмножество бедных хронических безработных (объединяющее представителей двух беднейших страт) составляло 19 человек, т.е. 40%. Среди остальных 193 человек, входивших в выборочную совокупность, к двум беднейшим группам относились 25 человек, т.е. 13%.

Однако более детальный анализ показал, что не хроническая безработица, сама по себе, является причиной бедности. Более того, и хроническая безработица, и бедность в своей основе имели общие причины — особенности семейного положения или здоровья респондентов, которые не позволяли им выступать на рынке труда в качестве эффективных работников, задерживая в числе безработных. В тех случаях, где респонденты из семей "группы риска" все-таки трудоустроивались, они в основном по-прежнему оставались бедными или, в лучшем случае, малообеспеченными. Возможно, именно поэтому безработица для большинства из них была результатом вполне сознательного, рационального выбора (2/3 безработных 1997 г., среди которых большинство составляли именно хронические безработные, назвали различные причины, по которым они не заинтересованы в работе).

Анализ позволил выявить определенные социальные типы респондентов, которые жестко коррелировали с их статусом занятости или статусом обеспеченности. Среди хронических безработных такими типами были: главы неполных семей с маленькими детьми; одиночки предпенсионного возраста, часто с плохим здоровьем; замужние женщины с детьми дошкольного возраста; за-

мужние женщины среднего и старшего возраста либо из семей без иждивенцев, где муж работает, либо из больших семей (4—5 и более человек), где несколько человек работают. Бедные были представлены пятью основными социально-демографическими типами: главы неполных семей с несовершеннолетними детьми; семьи с несовершеннолетними детьми, где один или оба родителя инвалиды; одиночки пенсионного или предпенсионного возраста с плохим здоровьем; семьи предполагаемых алкоголиков; члены больших семей с высоким коэффициентом семейной нагрузки на работающих. Как видим, эти социальные типы (на других особенностях которых, помимо состава домохозяйств и здоровья, мы не имеем здесь возможности останавливаться) в значительной степени пересекаются, и именно места пересечений (неполные семьи с детьми дошкольного и младшего школьного возраста и пожилые одиночки с плохим здоровьем, а также, отчасти, члены больших семей, где те же факторы работают в более сглаженном виде) дают реальную бедность¹.

Различия социального самочувствия и жизненных установок представителей различных страт были разительны. Если среди двух беднейших страт 64% респондентов считали, что их жизнь в целом складывается плохо и только 2% — что хорошо, то среди двух наиболее обеспеченных страт плохого мнения о своей жизни были 4%, а хорошего — 30%. Остальные считали ее удовлетворительной. Оценивая различные пути достижения своих целей, только 14% представителей беднейших страт считали, что самое эффективное — напрямую договориться с теми, от кого зависит решение их проблем, а среди наиболее обеспеченных этой точки зрения придерживались 47%. Зато ждали помощи в решении своих проблем от государства 43% бедных и лишь 9% обеспеченных и состоятельных.

Еще более яркими в ряде случаев оказались различия между представителями самой бедной и самой богатой групп. Среди нищих 92% указали, что их жизнь за последний год ухудшилась, и ни один человек не счел, что она улучшилась, а среди состоятельных ухудшение своей жизни отметили 5%, а улучшение — 42%. Соответственно, 23% нищих (и ни один состоятельный) считали, что их бедственное положение позволяет им принять помощь от любого, готового ее оказать. Ответственность же за свое бедственное поло-

¹ В связи с этим необходимо оговориться, что среди бедных существовали заметные региональные различия. Если в Москве и С.-Петербурге к традиционным типам "старых бедных" добавились лишь пожилые одиночки с плохим здоровьем, то в Воронеже в число бедных попали и вполне трудоспособные люди, в том числе с семьями, где были и другие работающие, а коэффициент семейной нагрузки не превышал 1. Однако и там больше 1/2 бедных составляли те, для кого решающими являлись состав семьи и здоровье.

жение возлагалась ими обычно на внешние факторы. 31% среди них считали, что их бедственное положение зависит только от экономической ситуации в стране, и ни один — что причиной является он сам. Зато среди состоятельных соотношение обратное 74% из них уверены, что их материальное положение зависит прежде всего от них, и ни один не считал, что главное — ситуация в стране. Соответственно, 46% нищих (и лишь 5% состоятельных) полностью согласны с тем, что государство должно заботиться обо всех, кто не в состоянии сам себя обеспечить. Не согласны с этим 23% нищих и 79% состоятельных (остальные затруднились с ответом). Трудно сказать, что является первичным — патерналистские ожидания или ощущение неспособности справиться с ситуацией, но 77% нищих (при 3% состоятельных) не чувствовали, что дела им удаются, а 46% (0%) полагали, что жизнь немногочисленного стоит. При таком настроении неудивительно, что по мнению 39% нищих, им легче было бы умереть и избавиться от всех своих проблем, а среди состоятельных так не считал никто.

Возможно, в формировании столь тягостного социального самочувствия нищих сыграли свою роль и проблемы здоровья, и определенной социальной изоляции, которые просматривались у них довольно отчетливо. Свое здоровье как плохое оценили 39% нищих и 5% состоятельных. Это и неудивительно, если учесть, что 54% нищих (и ни один человек из числа состоятельных) жаловались на головные боли. Что же касается социальных связей, то ни один из нищих не имел возможности проводить время с друзьями в компании, зато среди состоятельных так проводили свой досуг 26%. Для нищих имели особое значение связи с соседями по дому (77%), которые не требовали финансовых затрат, в то время как среди состоятельных с соседями по дому общались лишь 10%.

В то же время те, кто испытывал и заметные ограничения по структуре потребления и социальному участию, но входили с учетом индекса благосостояния в группу малообеспеченных, практически не отличались по взглядам и социальному самочувствию от более благополучных респондентов. Как показали наши наблюдения в течение года, эта группа имеет тенденцию к размыванию и за год сократилась вдвое (Уз выходцев из нее перешла в число бедных, а 2/3 — в состав среднеобеспеченных) Учитывая это, можно предположить, что в скором времени в России сформируется достаточно четко отличающаяся от остального населения группа бедных, состоящая из "старых" и "новых" бедных, а остальная часть населения так или иначе, возможно изменив свои запросы и представления о мире, все-таки приспособится к новым условиям и сформирует новые стандарты жизни

Резкие различия между двумя беднейшими группами и всеми остальными наблюдались и в отношении избираемых ими стратегий выживания¹ (табл. 1).

Таблица 1

**Избираемые стратегии выживания
(в % к числу ответивших, допускалось несколько ответов)**

Варианты ответов	Представители двух беднейших групп (N-44 человек)	По массиву в целом (N-240 человек)
Используем любую возможность подработать	34	44
Обеспечиваем себя некоторыми продуктами питания	36	41
Работаем в нескольких местах	5	23
Вынуждены занимать деньги	30	16
Проедаем накопленные сбережения	32	13
Получаем помощь	8	11
Ничего не предпринимаем	5	10
Занимаемся мелкой торговлей	5	8
Сдаем внаем	32	7
Распродаем имущество	32	7
Продаем выращенные на даче продукты	7	7

Как видим, представители двух беднейших страт, с одной стороны, в меньшей степени использовали те виды деятельности, которые связаны с различными видами работы и приработков. С другой стороны, были и такие виды активности, которые широко использовались именно наиболее депривированной частью респондентов

¹ В числе возможных стратегий выживания безработных и лиц с нестабильной занятостью в качестве гипотезы были выделены: 1) официальная безработица с получением соответствующего пособия плюс различного рода приработки, 2) получение пособия по безработице и других доходов, не ведущих к уменьшению экономического потенциала респондентов (пособий, помощи, продуктов из подсобного хозяйства и т. п.), 3) получение пособия по безработице и проедание сбережений или продажа имущества, 4—6) три перечисленных варианта, во без пособия по безработице (для фактически безработных и находящихся в длительных неоплачиваемых отпусках), 7) постоянная полная занятость, которая может сопровождаться формальным наличием статуса безработного или находящегося в длительном неоплачиваемом отпуске (нефиксируемая занятость).

Как показало проведенное исследование, каждая из этих стратегий действительно существовала в массиве в чистом виде. В то же время в подавляющем большинстве случаев эти стратегии комбинировались в различных сочетаниях. Кроме того, когда в домохозяйстве были и другие члены, появлялись дополнительные возможности выживания за счет их доходов, включая пенсии (которые у некоторых достигали 1,5 млн руб), и других источников дохода. Учитывая такое многообразие возможных стратегий, исходная задача была скорректирована, и был осуществлен анализ не стратегий в целом, а входящих в них элементов, отражающих основные виды доходов и путей их получения.

Это прежде всего элементы стратегий выживания, связанные с использованием накопленного имущества семьи. По всем трем городам 2/3 продающих свое имущество (общее их число было 18 человек) относили себя к тем, кто живет хуже окружающих, и характеризовали свое материальное положение как плохое (по массиву в целом — чуть больше 40%). При этом среди них не было ни одного, кто считал бы, что живет лучше окружающих или характеризовал свое материальное положение как хорошее. Наиболее высок среди продающих имущество был и процент считающих, что терпеть их жизнь больше невозможно (22% при 11% по массиву). Заметно более благополучное положение было у тех, кто сдавал имущество внаем (также 18 человек), но и на эту более эффективную (особенно для Москвы и С.-Петербурга) меру респонденты, как правило, шли в ситуации резкого ухудшения своего положения, а не просто для получения дополнительного дохода.

Второй вид действий, также выбираемый представителями наиболее депривированных групп, — проедание сбережений (32 человека). Правда, при выборе этого вида действий надо было иметь сбережения. Уже одно это свидетельствует о том, что группа "проедающих сбережения" находилась в несколько менее тяжелом положении, нежели "продающих имущество". С учетом совокупности всех факторов, в том числе структуры потребления, образа жизни, душевого дохода, можно сказать, что проедающие свои сбережения — люди не столько принадлежащие к самым бедным слоям, сколько обедневшие в последнее время и поэтому воспринимающие свое положение особенно остро. Не случайно 2/3 из них (при 39% по остальному массиву) отметили, что их положение в последний год ухудшилось. Это заметно больше, чем даже среди "продающих имущество", для которых ухудшение положения затронуло лишь 1,2. В противовес продающим имущество это в основном "новые", а не "старые" бедные.

Ухудшение их положения именно в последнее время сближает "проедающих сбережения" с группами тех, кто для улучшения своего материального положения занимал деньги (39 человек) или получал помощь (49 человек). Среди занимавших деньги почти 2/3 указали на ухудшение своего положения за последний год, а среди получающих финансовую помощь родственников — более 1/2. В то же время эти виды доходов были обусловлены не только реальным уровнем благосостояния, но и уровнем запросов респондентов и стандартов жизни их родственников. В беднейшей группе помощь от родственников получала почти 1/2¹. Но и в относительно благо-

¹ Роль помощи родственников в доходах семьи оценивалась не только на основе общего вопроса о стратегиях выживания, но и с учетом ответов на конкретные вопросы о видах получаемой помощи, а также об источниках доходов семьи.

получной группе с доходом от 600 тыс. до 800 тыс. руб. такую помощь получал каждый пятый. И даже среди тех, душевой доход которых превышал 1,5 млн руб., были люди, получавшие помощь родственников.

Таким образом, деструктивные формы стратегий выживания, связанные с растратой имеющихся экономических ресурсов, были распространены прежде всего у наиболее депривированной части респондентов. Продажа имущества была при этом характерна для лиц с абсолютной бедностью, а проедание сбережений, займы и получение помощи — для тех, обнищание которых носило относительный характер.

Подводя некоторые итоги, отметим:

исследование показало, что изучать проблему бедности основываясь на самооценках своего материального положения респондентами, в современной России в принципе невозможно, и связано это с отсутствием до последнего времени среди рядовых россиян страт, существенно различающихся стандартами потребления. Российскими социологами уже предлагались различные способы измерения материального благосостояния, связанные с различными индексами. Своеобразной модификацией такого подхода стала разработанная автором методика оценки уровня благосостояния, которая описана выше. Исследование показало ее применимость в условиях России;

проблема действительно бедных в сегодняшней России состоит не в том, что у них низкий душевой доход, а в том, что они в принципе лишены возможности вести тот образ жизни, который ведет большинство их сограждан. Это связано не только со структурой потребления, но и с ограничениями социального участия, со спецификой социальных контактов, с избранием деструктивных или пассивных стратегий выживания, не характерных для остального населения, и т.д. Положение этой группы продолжает относительно ухудшаться, и в будущем ее члены ждут его дальнейшего ухудшения;

численность бедных в таком понимании составляет около 20% обследованной выборочной совокупности. Еще около 25% составляют малообеспеченные, но среди них идет постепенная дифференциация, в результате которой часть переходит в число бедных, а другая часть — в состав среднеобеспеченных, что ведет к сокращению удельного веса этого страта. Ограниченный и специфический характер выборки не позволяет переносить полученные пропорции распределения по стратам на всех россиян. Однако соответствие распределения полученных в ходе исследования ответов по уровням душевых доходов и самооценкам своего материального положения данным репрезентативных исследований РНИСиНП и

ВЦИОМ позволяет считать, хотя и очень приблизительно, что они все же дают возможность судить о стратификации российского общества;

бедные и безработные оказались пересекающимися множествами, в основном совпадающими, хотя и не тождественными друг другу;

стратегии выживания, которые использовали бедные для улучшения своего материального положения, были более разнообразны, чем стратегии всех остальных. Однако они содержали больше пассивных или деструктивных видов действий, и меньше активных и конструктивных. Имущество использовалось подавляющим большинством респондентов исключительно для личного потребления. Только состояние самой глубокой бедности могло вынудить респондентов начать продавать имущество, но экономический эффект этого был близок к нулю. Продажа имущества была характерна для лиц с абсолютной бедностью, а проедание сбережений, займы денег и получение помощи от родственников — для тех, обнищание которых носило относительный характер. При этом среди "старых бедных" были в большей степени распространены деструктивные или пассивные формы поведения, чем среди "новых бедных", у которых преобладали конструктивные и активные виды деятельности (стремление подработать, участие в мелкой торговле, в том числе продукцией со своей дачи);

роль осуществляемой государством и муниципальными органами социальной политики в выживании бедных и хронических безработных близка к нулю. Из форм социальной помощи основное значение имели те трансферты, которые они получали вместе со всем остальным населением на оплату жилья, коммунальных и транспортных расходов. Пособия же, которые выплачивались адресно наиболее неблагополучной части респондентов, были столь незначительны, что почти никак не влияли ни на их уровень жизни, ни на стратегии поведения. Главным для большинства были результаты собственной экономической активности или помощь, получаемая не от государства. Единственным исключением были несколько наиболее неблагополучных безработных — глав неполных и многодетных семей, у которых не было никаких форм конструктивной активности;

современная система мер социальной помощи не соответствует реальным потребностям нуждающихся в ней групп, что снижает ее эффективность. Так, увеличение размера пособия на детей для одиноких матерей или пособий по инвалидности с одновременным отказом от практики одновременного получения нескольких пособий могло бы привести к тому, что на учете в службе занятости остались реальные безработные, заинтересованные в получении

работы, а эффективность и адресность работы этой службы возросла бы. Поэтому разработка эффективной адресной социальной политики предполагает прежде всего детальное изучение объектов и только затем уже разработку системы пособий и иных ее мер. В противном случае новая, якобы "адресная" социальная политика, выработываемая в настоящее время российским правительством, окажется столь же неэффективной, как и прежняя, проводившаяся в рамках советской модели "государства всеобщего благосостояния".